

первыхъ же попыткахъ художества онъ судить міръ, и осуждаетъ его, и судить самого себя. Этотъ судъ виденъ и въ кавказскихъ очеркахъ, и въ рассказѣ о попыткахъ деревенскаго устроенія Нехлюдова, и въ очеркѣ «Люцернъ». И всюду самоувѣренному, сытому, властному и неправому барину противостоятъ или мужикъ, сильный своимъ прямымъ отношеніемъ къ Богу и міру и своей бѣдностью, или вообще человѣкъ не пораженный этой проказой культурной сытости, самодовольства и лжи. Въ этихъ рассказахъ нельзя не почувствовать, наряду съ проявленіемъ прекрасной простоты художника и его живой изобразительности, какого-то инстинктивнаго стремленія сбросить съ себя, нетерпѣливо и буйно, что-то приставшее къ нему отъ этого міра неправоты и фальши. Молодой Толстой въ самыхъ первыхъ рассказахъ рѣзко показалъ полное свое несогласіе съ тѣмъ, чѣмъ живетъ все культурное общество, онъ пришелъ многое осудить словами, полными горечи и возмущенія.

Въ «Казакахъ»—уже полный разрывъ съ этимъ міромъ, отпаденіе отъ него и анаѰема этому міру. И только двойственность неразрѣшенная здѣсь чувствуется въ борьбѣ двухъ мотивовъ: мотива стихійно правильной, животнo-оправданной въ своей свѣжести и простотѣ жизни—и какъ-то очень неловко врывающа-